

Но этот назойливый голос по-прежнему жужжал в ушах, словно рой пчел, без устали кружа вокруг и грозя свести его с ума:

— Сы Юэ, настоящий — это я.

— Я настоящий, Сы Юэ.

— Ты уже на пределе, пора покидать это тело.

— Ты фальшивка.

Один за другим раздавались чеканные, твердые удары, которые вместе с биением сердца глухим туком отзывались в груди, неумолимо сокрушая остатки рассудка мужчины.

Сы Юэ крепко сжал губы.

Его лицо было мвенно-бледным. Опустив голову, одной рукой он зажимал ухо, а другую до побелевших костяшек вцепился в резной край стола — с такой силой, что на тыльной стороне ладони вздулись вены.

Мужчина подавил рвущийся из горла хриплый возглас:

— Хватит дурить.

Голос на секунду затих.

— Это тело... Я никому не уступлю.

— Вот как?

Демон, затаившийся в самых глубоких уголках его души, тихонько и хрипло усмехнулся, источая зловещую ауру, и залился злым смехом:

— Из-за той сорной травы, что ли?

Мужчина замолчал.

Собеседник смеялся безумно:

— Ха-ха-ха! Всего лишь жалкая дикая трава, а ты и впрямь принял ее близко к сердцу? Глупец! Ты и впрямь думаешь, что это твое бедствие из-за чувств?

— Не смей меня! Этот старик Юэлао просто обманул тебя! Твое бедствие из-за чувств — это Богиня Цветов!

Сы Юэ закрыл глаза.

Уж лучше верить Юэлао, чем прислушиваться к этому безумному голосу в собственной голове.

С того самого мгновения, как он впервые заметил Вэнь Шаня среди бесчисленных зарослей травы, его сердце необъяснимо затрепетало. Что-то неуловимо влекло его, заставляя помимо воли тянуться ближе...

Сы Юэ забрал Вэнь Шаня с собой, но с тех пор старался даже не смотреть на него.

Он отчетливо понимал, как сильно его собственное сердце жаждет приблизиться к этому существу. И именно это не поддающееся контролю чувство заставило его выбрать жестокость — попытаться забыть о нем.

Пока он не встретил Вэнь Шаня вновь, и тот не произнес своим мягким, детским и чуть капризным голосом:

— Ты мне нравишься.

А он?

Мог ли этот искренний, чистый и прелестный Вэнь Шань и впрямь стать его роковым испытанием?

Сы Юэ не верил.

Он знал, что у Вэнь Шаня есть амбиции: тот хотел обрести человеческий облик. Поэтому Сы Юэ помогал ему. Помогал лишь затем, чтобы провести четкую грань между ними, исполнив тем самым заветное желание юноши.

Но... мужчина закрыл глаза.

Сияющие от радости глаза юноши, прибежавшего поделиться с ним счастьем; симпатия, читающаяся в его мягком взгляде; яркая, ослепительная красота, проступающая сквозь беспомощные слёзы — каждое мгновение, каждая картинка намертво впечатались в тайники

его памяти.

Если он и был мягок с Вэнь Шанем, то дело было не только в его собственном нраве, но и в скрытых эгоистичных желаниях.

— Он еще мал, — говорил себе Сы Юэ. — Быть может, когда он вырастет и станет разумнее, он перестанет вести себя так по-детски, как сейчас.

Сы Юэ прекрасно понимал:

Его собственная привязанность к нему сейчас была невелика.

Не слишком глубокая, но и не поверхностная — она лишь ровно настолько упала зернышком в сердце, что теперь это зерно невозможно было ни забыть, ни вырвать, ни заставить исчезнуть.

— Сы Юэ, до чего же ты жалок и противен.

Голос издевательски усмехнулся:

— Неужели ты хочешь отпустить его?

— Глупец.

— На твоём месте я бы уничтожил его, но не отпустил.

Кончики пальцев Сы Юэ едва заметно дрогнули:

— Сы Юэ!

Он издал низкий рык из глубины горла, полный ярости:

— Чего ты добиваешься?

— Чего добиваюсь? Разве ты сам еще не знаешь? — хозяин голоса нагло хохотал, и его смех, словно демонический шепот, отдавался эхом в голове мужчины. — Угадай-ка, я ему нравлюсь, или ты?

Сы Юэ внезапно затих. Его закрытые глаза распахнулись, и в глубине зрачков мелькнул темный, промозглый отблеск — бездна посреди глухой ночи, от одного взгляда на которую по спине невольно пробежал леденящий холод.

Уголки его губ изогнулись в зловещей, дерзкой улыбке. Он оттолкнул стол и откинулся назад, безвольно, по-змеиному распластавшись на стуле.

В одно мгновение мягкость рассеялась во тьме, зарю оттенила ночь, и на лице мужчины не осталось ничего, кроме густой, мрачной одержимости.

— Давай заключим пари?

Сы Юэ тихонько засмеялся, услышав, как затаившийся в глубинках его тела двойник словно бы ответил согласием.

Когда Вэнь Шань снова увидел Сы Юэ, тот, казалось, уже не был так занят, как прежде. Иногда, работая среди бела дня, юноша замечал мужчину, лениво сидевшего с закрытыми глазами в беседке из глицинии во внутреннем саду, погруженного в глубокий сон.

Спал он крепко.

Юноша бросил на него мимолетный взгляд, тут же отвел глаза и продолжил мести дорожку, делая вид, будто вовсе его не заметил.

Упавшие желтые листья уже сбились в кучу. Ему стало немного скучно, и захотелось поболтать с Цзы-цзы, но та в последнее время вела себя на удивление тихо.

Казалось, с появлением Сы Юэ Цзы-цзы совсем затаилась и больше не подавала голоса, из-за чего Вэнь Шань чувствовал себя немного не в своей тарелке. Он вспомнил, как Цзы-цзы просила его заглянуть к ней, когда она будет принимать человеческий облик, и поэтому, воспользовавшись тем, что Сы Юэ погрузился в сон, не удержался — подкрался к самому концу глициниевой галереи и, понизив голос, спросил:

— Цзы-цзы, когда ты уже примешь человеческий облик?

Цзы-цзы не подала голоса, вокруг царил такая тишина, казалось, будто слышны лишь дуновения ветра да шуршание распускающихся бутонов.

Вэнь Шань немного присел на корточки, но ответа так и не дождался.

У юноши затекли ноги, он помассировал щиколотку, осторожно бросил взгляд на мужчину, сидевшего на перилах галереи, а затем отвел глаза, делая вид, что совсем на него не смотрит.

Он сделал несколько шагов, не успел отойти далеко, как сзади послышанся голос Сы Юэ:

— Травка.

Его голос по-прежнему звучал так же мягко, как и прежде, но Вэнь Шань почему-то почувствовал неладное.

Он замер всем телом, крепче сжав в руке метлу.

— Обернись, — произнес мужчина. — Дай мне взглянуть, зажила ли твоя рана.

Вэнь Шань машинально провел ладонью по гладкой коже на ладони.

— Я уже полностью поправился, благодарю за заботу, хозяин.

Голос юноши слегка дрожал, он сдерживал рвущуюся наружу радость и изо всех сил заставлял себя не оборачиваться, боясь, что стоит ему повернуться, как он не удержится и бросится к нему со словами... я люблю тебя.

У него ведь тоже была гордость.

У Сы Юэ ведь уже появилась хозяйка.

Сердце юноши от горечи словно вымочили в уксусе, он угрюмо опустил ресницы.

Сы Юэ склонил голову, глядя на спину юноши, и в глубине его глаз промелькнула едва заметная улыбка.

Хочет отдалиться от него?

Посмотрим еще, хватит ли у этого малыша способностей покинуть Мир Богов!

Если только Вэнь Шань не сбежит из Мира Богов, то... куда бы он ни отправился, Сы Юэ все равно отыщет его в самом дальнем уголке.

— Все же покажи ее мне, — голос мужчины звучал чуть хрипловато, словно пение сирен, плывущих над морской пучиной, обволакивающее и манящее.

Вэнь Шань потер рукоять метлы и, опустив глаза, отказался.

— Хозяин, у меня еще есть дела, может, взглянете в другой раз?

— Какие у тебя могут быть дела? — тот, казалось, усмехнулся. — Я приказывал тем слугам, они ведь не поручали тебе слишком тяжелой работы... Травка, если ты не повернешься, неужели веришь, что я выгоню тебя из резиденции?

Юноше это показалось странным.

Слова были совсем не похожи на те, что обычно говорил Сы Юэ.

Но он не стал долго размышлять и, посомневавшись немного, все же решил обернуться.

Матлясь из стороны в сторону, он подошел к Сы Юэ и протянул ему ладонь.— Послушай, хозяин, мои раны зажили, можешь больше не волноваться.

Сы Юэ прищурился, и его взгляд упал на шевелящиеся губы юноши. Они излучали сочный блеск и манили, словно спелые красные вишни, так и побуждая попробовать их на вкус.

Он протянул руку, перехватил запястье юноши, опустил взгляд и совершил то, от чего Вэнь Шань пришел в крайнее изумление:

Сы Юэ высунул кончик языка и лизнул ладонь юноши.

Ладонь обдал горячий и влажный кончик языка, словно вспышка яростной молнии. Вэнь Шаня бросило в жар от макушки до пят, а в голове мгновенно опустело.

Он оцепенело уставился на мужчину, отчетливо видя усмешку на его лице.

В этой улыбке крылась нежность, переплетенная с демонической порочностью — она распускалась подобно цветам мандрагоры, устилающим путь мертвых, и завораживала душу.

Мужчина поднял взгляд, и в его глубоких зрачках отразилась фигура юноши. Он разглядел и шок на слегка пухленьком лице, и широко раскрытые от испуга глаза, и нежную, молочно-белую кожу на фоне чуть приоткрытых розовых губ.

В нем было с избытком простого изящества, но не доставало чарующей соблазнительности: добавь хоть каплю — и проступит знойная магия, убавь хоть каплю — станет слишком бледно.

Сы Юэ вдруг понял, что Вэнь Шань, пожалуй, не так уж плох, как он себе воображал.

По крайней мере... к этой его оболочке он неожиданно проникся симпатией.

Уголки губ мужчины приподнялись, глаза изогнулись в полумесяцы, и, громко рассмеявшись,

он тихо бросил юноше:

— Что? Испугался?

Вэнь Шань пришел в себя, кончики его ушей покраснели. Смущенно отдернув руку, он отвернулся, неосознанно сжав кулаки.

Заикаясь, он пролепетал:

— Х-хозяин... Ч-что это должно значить?

— Разумеется, мне захотелось проверить, зажила ли рана у тебя на ладони.

Сы Юэ понизил голос. Не похожий на его обычный чистый и мягкий тон, теперь в нем звучали дерзость и необузданная гордость:

— Но судя по всему, эта твоя рана и впрямь зажила на совесть!

Вэнь Шань не знал, что и ответить.

Подобное поведение мужчины повергло его в полное замешательство.

Ведь раньше, когда он общался с Сы Юэ...

Самое главное, в будничные дни они проводили вместе совсем мало времени: большую часть его занимали тихие тренировки или работа, а потому, столкнувшись сейчас с такой распушенностью и бунтарством, он даже не нашел это странным.

В худшем случае он решил бы, что Сы Юэ просто дал волю своей истинной натуре.

Только вот эта свобода нравов выглядела уж чересчур странно.

Зачем-то ведь полез лизать чужую ладонь. Вспоминая об этом, юноша невольно погладил подушечки пальцев, словно на ладони до сих пор ощущалось то мимолётное прикосновение.

Влажное, обжигающее, исчезнувшее в тот же миг.

Вэнь Шань резко опомнился, внезапно вспомнив, что тот общается с Богиней Цветов, инстинктивно отступил на шаг назад, спрятал подарок и, покорно опустив веки, произвел: — Хозяин, рану вы осмотрели, я могу идти?

Улыбка на лице Сы Юэ постепенно исчезла.

Он посмотрел на юношу, в глубине его глаз мелькнуло недовольство, и он произвел: — К чему такая спешь?

Мужчина лениво прислонился к колонне длинного коридора и усмехнулся: — Почему бы тебе не поболтать со мной подольше?

— Хозяин — всеми почитаемый Бог Войны, а я всего лишь скромный слуга. С какой стати мне с вами беседовать? — Вэнь Шань подавил горечь в глубине глаз и глухим, сдавленным голосом произвел: — Не лучше ли хозяину разделить чапитие и побеседовать с госпожой Богиней Цветов?

Пока он говорил, в словах Вэнь Шаня неизбежно проскользнула ревность.

Будто выдержанный тысячелетиями уксус, она невольно взметнула бурные волны, едва не сокрушившие рассудок юноши.

Сы Юэ прищурился, внезапно что-то осознав, и тихо усмехнулся.

— Вот оно как, вот оно как!

Он протянул руку, прижал плечо юноши и резко притянул Вэнь Шаня в свои объятия, остановив губы всего в миллиметре от его уха.

Такое расстояние казалось невероятно близким.

Вэнь Шань даже почувствовал, как теплое дыхание колыхается и окружает его влажными волнами, словно бесчисленные крошечные ручки гладили каждый сантиметр кожи на его мочках ушей.

Ноги юноши слегка ослабли, а сильное чувство стыда заставило его невольно прикусить губу.

Он сжал бедра и закрыл глаза, скрывая пробуждающееся в глазах вожделение.

Ему хотелось сказать Сы Юэ, чтобы тот не подходил так близко, ведь от этого он возбуждается.

И не обнимал его, потому что он не сможет сдержать запретных мыслей —

Но сколь бы сильным ни было это «хочу», оно всё же не могло соперничать с простыми словами собеседника.

— Глупышка.

Его ласка прорвалась наружу бушующим потоком: — Богиня Цветов Хуа Сюэцинъ заходила лишь для того, чтобы передать этому достопочтенному приглашение. Между мной и ею нет ни малейшей связи.

Сердце Вэнь Шаня затрепетало.

Сы Юэ что, объясняется с ним?

Но зачем ему перед ним объясняться?

Юноша в полном смятении поднял взгляд и вдруг отчетливо увидел в глазах мужчины собственное отражение.

Его глаза покраснели, уголки глаз словно окрасились в яркие краски, длинные ресницы отчетливо выделялись по одной, а в отбрасываемой ими тени блестели влажные зрачки.

Чистые, прозрачные.

— Неужели ты до сих пор не понимаешь моих чувств? — Сы Юэ тихо рассмеялся, поднял руку и потрепал юношу по голове, «мягко» произведя: — Впрочем, если ты не хочешь...

Сы Юэ на секунду замолчал и, видя, что юноша никак не реагирует, продолжил по роли: — Тогда забудь.

Вэнь Шань растерянно посмотрел на него.

Сы Юэ не был до конца уверен, действительно ли юноша ничего не понимает или притворяется.

Впрочем, это никак не мешало его планам и дальше завоёвывать сердце юноши, ведь на кону в его пари с Сы Юэ стояло абсолютно всё, даже само его существование.

Он вытянул палец, материализовал приглашение, а затем вложил его в ладонь Вэнь Шаня.

На пригласительном билете переливались клубящиеся облака, мерцали тусклые всполохи света, выказывая сдержанную роскошь, а два иероглифа на нём сияли острой, мощной энергией, сквозь которую смутно угадывался непоколебимый стержень владельца.

Словно гордая сосна или кипарис на вершине крутого обрыва, что не страшится никаких бурь

и перемен.

Сжимая приглашение, Вэнь Шань чувствовал, как кончики пальцев, коснувшиеся чернил, слегка обжигает — будто их поцеловали мягкие губы, и он невольно задрожал.

Он заворуженно поднял взгляд на мужчину.

— Это...

— Это приглашение на Праздник Пэнлай через три дня. Ты пойдешь со мной.

— Я, я?

Юноша растерянно замер: — Но, но...

— Умница, я буду ждать тебя у входа.

Мужчина изогнул брови в улыбке и произвел: — Травка моя, только не заставляй меня ждать слишком долго.

Его слова звучали эхом, снова и снова отдаваясь в голове и неумолимо затягивая юношу в бескрайнюю сеть под названием «счастье», из которой не было спасения.

Что... что имеют в виду слова хозяина?

Вэнь Шань всё ещё не смел верить в это, смертельно боясь ошибиться и остаться ни с чем.

Но если это не так, он просто не понимал, зачем Сы Юэ стал бы так объясняться.

Юноша остался стоять на месте, сам не зная о чём думая, а уголки его губ сами собой поползли вверх. Подобно порхающей в танце бабочке, он шагал из стороны в сторону, переминаясь с ноги на ногу, счастливый, с изогнутыми уголками глаз и сияющим взглядом.

— Цзы-цзы, хозяин только что пригласил меня пойти с ним на банкет?

Вэнь Шань не выдержал и побежал к великану-глицинии за подтверждением.

Великанья глициния долго молчала, а затем холодно произвела: — С чего ты взял? Может, хозяин просто считает, что ты подходишь для этого лучше других слуг.

— Не стоит радоваться раньше времени.

Цзы-цзы насквозь видел помыслы юноши и без колебаний охладил его пыл: — К тому же, кто ты такой? Даже если пойдешь вслед за хозяином, останешься всего лишь заурядным мальчишкой-слугой.

— Пусть мальчишкой, я всё равно рад!

О богам известно, как сильно ликовало его сердце, когда он узнал, что между Сы Юэ и Богиней Цветов Хуа Сюэцинъ нет ничего общего.

Ему хотелось петь, подобно иволге, приветствующей весеннее тепло, и вприпрыжку танцевать, ступая по прохладным нефритовым плитам.

Юноша сиял от счастья, широко улыбаясь, и блаженно произвел: — Цзы-цзы, хозяин сказал, что у него нет ничего общего с госпожой Богиней Цветов.

В сердце Цзы-цзы скопилась невыразимая тоска.

Немного горькая, немного болезненная и в то же время согревающая.

Глядя на безграничную радость юноши, оно понизило голос и тихо вздохнуло: — Глупышка.

Ты и вправду глуп.

Даже если между ними нет никакой связи, он всё равно не тот, о ком ты смеешь мечтать.

Однако вслух оно этого не произнесло, а лишь неловко сменило тему: — Вэнь Шань, я скоро приму человеческий облик, побудь со мной, ладно?

Вэнь Шань наконец вынырнул из пучины радости, склонил голову и посмотрел снизу вверх на раскинувшуюся над головой сплошную фиолетовую лозу.

Он изогнул брови, и в его сияющих зрачках отразился силуэт собеседника.

— Хорошо.

— А когда ты сможешь принять человеческий облик?

— Сегодня ночью.

Вэнь Шань ответил, не задумываясь: — Тогда я приду к тебе вечером, и мы напьемся вдвоем до беспамятства!

Цзы-цзы словно усмехнулось: — Дурачок.

Кто собирается напиваться вместе с тобой!

Оно издалека смотрело на удаляющуюся спину юноши, и бесчисленные цветы один за другим теряли краски, сворачиваясь в бутоны и обнажая спрятанные под ними изумрудно-зеленые листья.

Только когда юноша вернется, его цветы снова распустят свои лепестки, являя миру свою прекраснейшую сторону.

Точно так же, как самец павлина привлекает самку — едва завидев её перед собой, он распускает свой длинный хвост, демонстрируя момент наивысшей красоты.

И оно поступало точно так же.

Цзы-цзы долго молчало.

Лунный свет падал на длинную, сказочно прекрасную аллею глицинии, отливая призрачным серебристым сиянием. Множество световых точек отделилось от Цзы-цзы, а затем, постепенно сливаясь воедино, превратились в стройную человеческую фигуру.

На нём были фиолетовые одежды, а черты лица до боли напоминала Сы Юэ.

Цзы-цзы подняло руку и коснулось собственного лица: не нужно было и гадать, чтобы понять, насколько его внешность похожа на внешность хозяина.

Именно из-за этого сходства он и понял —

Судьба переменчива.

Оно всегда думало, что, возможно, будет вечно и одиноко постепенно возвращать человеческий облик, и воображало, каким станет в будущем: красивым или безобразным, высоким или низким, полным или худым.

Всё это было лишь плодом его воображения, прежними мечтами.

Точно так же, как Сы Юэ стал любовным испытанием для Вэнь Шаня.

Вэнь Шань стал любовным испытанием для него самого.

Один — цветок, другой — трава.

Они принадлежали к совершенно разным видам, но из-за того, что жили под одной крышей десяток-другой лет, день за днем привязываясь друг к другу, в его сердце зародилась страсть.

Сейчас Цзы-цзы даже не было уверовано в том, чего именно оно хочет.

Мечтает ли оно, как прежде, обрести человеческий облик и занять заурядное место слуги в Резиденции Бога Войны, или же, обуреваемое дерзкими амбициями, дерзнуло сравняться с самим Богом Войны —

Оно закрыло глаза, и его тело внезапно распалось на мириады светлячков, растворившихся в воздухе. Густые россыпи искр принесли с собой чарующую, нереальную красоту.

— Цзы-цзы!

Раздался мягкий юношеский голос, полный бьющей через край энергии.

Цзы-цзы издали увидело спешащего к нему юношу с кувшином в руке. Его глаза ярко сияли, он шагал широкими, уверенными шагами, озаряя всё вокруг лучезарной улыбкой.

Наблюдая за ним, оно вдруг на миг замерло от восхищения.

— Я принес кувшин персикового вина. Как только ты примешь человеческий облик, мы попробуем его вместе, идет?

Бесчисленные звездные искры кружились вокруг длинной аллеи глицинии, создавая сказочную, безупречную атмосферу. Юноша улыбался подобно цветку, и в его чистых глазах отражалась искренняя радость за его скорое превращение.

Будь то бедствие или испытание, сон или иллюзия.

Звезды служили лишь фоном для него, бледно-серые одежды не могли скрыть изящества его лица, а запястье, показавшееся из-под поднятого рукава, казалось настолько тонким, что его можно было переломить пополам от малейшего движения.

Цзы-цзы качнуло лозами, мягко потянувшись вперед, и приняло кувшин с вином.

— Глупышка, я еще не принял человеческий облик, как я могу пить?

— Тогда выпьем, когда примешь!

— Я и после превращения пить не буду!

<http://bllate.org/book/21526/2210379>